

Часть пятая

Уход в память

Глава 1

Сопротивление дома

Первые жалобы

Люся несколько раз ночью ходила по квартире, ходила беспомощно и, хуже того, бессознательно. Пытаясь вместе со мной разобраться в этом лунатизме, что ли, она вспомнила, что в юности с ней такое уже случалось. К тому же заметили ухудшение координации движений. И мы отправились к русскоговорящей врачу-неврологине Dr. Ribak (04.07.2014). Люсе сделали МРТ головы, и она получила успокаивающие таблетки на случай нервного спазма. Врач посмеялась, мол, Вы ещё ого-го для Вашего возраста, посмотрите, какие ко мне приходят.

Где-то в конце 2015 года к нам на чай зашла Тамара, проживающая в Берлине двоюродная сестра моей первой жены Лены, и обратила

внимание на отрешённую неподвижность Люсиного лица. Для меня она была привычна и мила, но я забеспокоился, и 08.01.2016 мы явились первый раз к другому неврологу Dr. Riga.

Не умея внятно изъясняться по-немецки, я всегда готовил к посещению немецкого врача письмо от имени Люси или от себя. Здесь и далее подготовленные мною сообщения немецким врачам приводятся в виде исходного русского текста. Содержание мы вместе тщательно обсуждали (и по русскому, и по немецкому тексту), что я в письме аккуратно указывал.

Попутно. Со временем я ускорил работу по переводу на немецкий и повысил качество перевода с помощью компьютерных программ: переводчиков и словарей. Моя технология такова. Пишу русский текст, так до нелепости упрощенный и без использования многозначных слов, чтобы он соответствовал моим слабым возможностям перевода на немецкий. Он автоматически переводится на немецкий; перевод проверяю и правлю. Полученный немецкий текст для контроля автоматически переводится обратно на русский. Если контрольный русский текст чем-то плох, изменяю исходный русский текст, и всё начинается снова. Эти доклады докторам, наряду с перепиской с родными и друзьями, позволяют мне теперь, надеюсь, достоверно воспроизвести «бег времени».

На этот раз жалобы Люси выглядели так:

«Меня беспокоит следующее:

- Потеря памяти. У меня была очень хорошая память, но последние два года она резко ухудшается.
- Соответственно ухудшилась способность мыслить. Устные задачи решаются с большим трудом или вообще не решаются.
- Резко уменьшился размер букв при рукописи.
- Ночью я иногда не отличаю состояние сна от состояния яви (такое же явление было со мной в детстве после бомбёжек). Один или два раза встаю в таком состоянии и иногда теряю ориентацию при поисках туалета.
- Иногда замечаю, что при ходьбе слегка приседаю и наклоняюсь.
- В конце месяца мне предстоит небольшая операция и это меня излишне беспокоит».

Последовали тесты всяких Люсинах умений, и врач выписал рецепт на Levodopa/Benserazid, обычное средство при болезни Паркинсона.

26.01.2016 в клинике Charite Люсе провели операцию под общим наркозом по поводу грыжи справа внизу живота – через три отверстия укрепили это место сеточкой. Эта единственная в зрелой жизни Люси

операция вызвала у неё апатию, хотя была она в больнице всего две ночи, да несколько дней дома терпела три наклейки на животе.

Врач Dr. Rargas направил Люсю в профессиональное заведение, где опять провели тесты, сделали снимки головы, сказали, что с вероятностью 99% имеет место болезнь Паркинсона, и выписали соответствующее лекарство.

В следующем сообщении врачу 06.05.2016 Люся добавила к ранее сообщённому:

- *«Последнее время добавились слабость рук и неловкость работы ими. Устаю.*
- *У меня почти нет аппетита, и за последние несколько месяцев я похудела на 5 кило.*
- *Хотя сплю хорошо, имею сонливость, особенно утром.*
- *Известие о болезни Паркинсона печалит меня».*

Действительно, эта болезнь её пугала своей неизлечимостью, она долго надеялась, что у неё этой болезни нет, и даже переспрашивала врача. Я умолял её не делать этого, не раздражать врача, не спрашивать, когда она выздоровеет, а понять, что с этой болезнью живут многие годы и что нужно мобилизовать мужество и научиться справляться с болезнью, жить с ней. А вот воля к поддержанию жизни у Люси была слаба. Тем более что тем временем всё отчёлтивей проявлялась параллельная напасть – деменция, т.е., как я понимаю попросту, старческое слабоумие.

24.05.2016 по рецепту врача Люся получила роллятор и начала по-немногу и очень неловко ходить с ним.

В июле 2016 года рекомендованная нам служба по уходу на дому за больными и немощными, называемая OXALIS, инициировала визит к нам врача-эксперта из нашей больничной кассы. В результате экспертизы касса назначила Люсе первую степень ухода, которая позволила службе OXALIS по договору с Люсей получать от кассы средства на небольшое, за 104 Евро в месяц, обслуживание. В 2017 году закон изменился, Люсина степень ухода была названа второй и подорожала до 468 Евро, что обеспечило помошь в течение 6 часов в неделю и сопровождение визитов к врачам на транспорте службы. По моей просьбе, за эти 6 часов выполнялась уборка квартиры, доставка наиболее тяжёлых продуктов из ближайшего магазина и приготовление большой кастрюли густого овощного супа, из которого я вынимал

овощной гарнир на несколько дней, а остальное превращал в суп-пюре. Как раз этот суп, заправленный томатно-овощным соком и пайрой ложек йогурта, Люся ела легко и из всех моих кулинарных изысков – наиболее охотно.

Всего через месяц, 14.06.2016, Люся сообщила тому же доктору нечто благоприятное:

«Сообщаю дополнительно:

- *Я теперь не путаю состояние сна и состояние яви и не теряю ориентацию в квартире.*
- *Дрожание пальцев рук я имею редко, и оно меня не беспокоит. Дрожание крупных мышц рук и ног мешает больше. Оно возникает по утрам и исчезает в середине дня. Оно похоже на озноб. При этом помогает лечь и угреться или наоборот сильно двигаться.*
- *В начале приёма Levodopa/Benserazid увеличилась слабость, сонливость, появились случаи резкой слабости, требуется частый отдохнов, после которого не плохо.*
- *В первой половине дня имею плохое настроение. Не будет ли в связи с последним полезен антидепрессант?»*

Приблизительно то же самое сообщалось доктору в октябре того же года. (Визиты назначаются обычно один раз в квартал, так как второй визит в одном квартале больничная касса не оплачивает.)

16.02.2017 почему-то не от имени Люси, а я сам подpisал следующее:

«Разрешиите, пожалуйста, сообщить Вам мои наблюдения с близкого расстояния:

- *Моя жена чувствует себя немного лучше, чем прежде.*
- *Вечером она чувствует себя существенно лучше, чем утром.*
- *Приблизительно через 15 минут после приёма таблетки её самочувствие улучшается. Например, исчезает дрожание мышиц.*

Хотя Люся уже понимала, что избавиться от Паркинсона невозможно и нужно научиться жить с ним, ей хотелось хоть какого-то прогресса и казалось, что её невролог Dr. Rigas слишком невозмутим, ведёт себя слишком безучастно. Своей некоторой сонной загадочностью мне он тоже не импонировал, не исключаю, совсем напрасно.

Поэтому далее мы посещали профессора Kupsch (его рекомендовали нам как чуть ли не самого квалифицированного невролога в Бер-

лине). Не мне судить о квалификации, но человек он колоритный: почти лысый, с резко выпяченным подбородком на малоподвижном лице, двигается решительно, одевается проще некуда, заключения диктует в компьютер и выдаёт в виде письма домашнему врачу. Вот полный текст вступительного письма к нему от 03.03.2017:

«*До сих пор я посещала Dr. Riga, но теперь я хотела бы узнать авторитетное мнение и прошу Вас о возможной помощи и, может быть, о сопровождении. Для этого я позволю себе сообщить Вам мои сегодняшние беспокойства:*

- *Моя раньше очень хорошая память последние два года резко ухудшается.*
- *Соответственно ухудшилась способность мыслить. Устные задачи решаются с большим трудом или вообще не решаются.*
- *Резко уменьшился размер букв при рукописи.*
- *Ночью я иногда не отличаю состояние сна от состояния яви (такое же явление было со мной в детстве после бомбёжек). Теперь это происходит редко.*
- *Иногда замечаю, что при ходьбе слегка приседаю и наклоняюсь.*
- *Последнее время добавились слабость рук и неловкость работы ими.*
- *У меня почти нет аппетита, и за последние несколько месяцев я похудела на 5 кило.*
- *Хотя сплю хорошо, имею сонливость, особенно утром*
- *Известие о болезни Паркинсона печалит меня.*

Очень прошу насколько возможно помочь мне и желаю Вам всего наилучшего».

К этому добавлено: «*Троекратный приём Levodopa/Benserazid трудно организовать. Пожелание: заменить чем-то более удобным*».

Название	Форма	Основание
Uriges (Trospiumchlorid)	Kapsel 60 mg	Уролог Dr. R.Sorge
Alendronsäure 20000 I.E. (Vit. D3)	Tabl. 70mg + Kapsel	Остеопароз
Euthyrox 75	Tabl. 0,075 mg	Домашний врач Dr. M. Berenzon; Щитов. железа
Levodopa/Benserazid	Tabl. 100/25 mg	Dr. A.Kupsch. Parkinson
Levodopa/Carbidopa	Tabl. 100/25 mg	- „ -
Rivastigmin beta	Pflaster 9,5 mg	- „ -

В ответ доктор велел принимать эти таблетки четыре раза, позднее смилиостивился до трёх.

Врач требовал показывать ему список принимаемых Люсей лекарства, и далее в каждое сопровождающее визит письмо я вставлял таблицу лекарств. Приблизительно так, как представлено на предыдущей странице, она выглядела 06.11.2017 (опущены столбцы с указанием способов приёма лекарств).

Падение и ухудшение

Наша подруга Рита Шварц 25.06.2017правляла юбилей своего мужа Бориса в далёком грузинском ресторане. Туда и обратно нас везли, там я наблюдал, чтобы Люся воздержалась от излишнего питья, и всё было спокойно. А ночью услышал падение. В темноте Люся шла в туалет и упала в луже у ног нашей кровати. С большим трудом поднял её и осмотрел, где болит: явственная шишка на голове и большой синяк на левом бедре. С утра вместе с сотрудникой OXALIS, помогавшей Люсе, поехали к ортопеду, там провели часа три: смотрели бедро, просвечивали голову. Ни перелома, ни сотрясения не обнаружили. Через недели три синяк исчез.

Но под впечатлением от всего этого произошло общее ухудшение. На выход погулять решились только через полтора месяца, и то не далее ближайшей детской площадки и с роллятором. На фото, сделанном ещё через две недели, видно, что он использовался даже дома.

После этого происшествия Люся около года ходила с роллятором, сначала даже по квартире, но сделать его удобным помощником так и не смогла: на поворотах и перед бордюрами тротуаров не хватало силы и ловкости. Ходили так: она двумя руками толкала роллятор, а я, идя сбоку, одной рукой поднаправлял его.

Тем временем моя урологическая проблема в третий раз потребовала операции, теперь небольшой – не внутри, а на канале. Люся сопровождала меня во всех подготовительных поездках к врачу, дальних и довольно утомительных. Чтобы на время операции (в середине ноября 1917 года) она не осталась беспомощной одна, я пригласил побывать с ней Машу Лебедеву (из недалёкого Halle), дочь моего друга молодости Бориса Лифшица, к тому времени покойного. Один раз они вдвоём коротко навестили меня в больнице, а при выписке меня встретила чета Шварц: Рита с Борей. И создалось обидное впечатление, что при визите и моём возвращении домой Люся была так заторможена и чужда, как будто мысленно уже расстыдилась со мной. А всего год назад, в конце октября прошлого года, когда я из-за операции грыжи одну ночь провёл в недальней клинике, она справилась без посторонней помощи.

Справа наше последнее парадное фото. В мой день рождения нас навестили Катя и Маша с её мужем Сергеем. Было не очень радостно, и редкость встреч уже заметно сказалась за-труднением понять друг друга.

На наши писаные жалобы доктор, по возможности, реагировал, видно, пытался подобрать что-то индивидуально опти-

Мой ДР
23.01.2018

мальное. По записи визита от 13.02.2018 это выглядело так:

- В связи с отсутствием аппетита – выписал особенно калорийные смеси, применяемые для космонавтов; Люся честно их съела.
- Против слабости вечером и утром – добавлен препарат Quetiapin Heumann 25mg (от депрессии, шизофрении); Люся его попробовала, и возникла новая неадекватность вечерами; приём был прекращён, о чём доложено врачу.
- Для улучшения памяти – для пробы дан рецепт на Ebixa 5/10/15 mg; если не будет неприятностей, принимать это по нарастающей.

После этого было ещё несколько визитов к тому же доктору. Усиливались жалобы, варьировались и лекарства. Далее приведены лишь отдельные подробности, вносящие нечто новое.

Например, 04.06.2018 доктор не выписал до тех пор применяемый Memantin, а в виде пробы добавил Xadago, который должен был способствовать управлению движениями. Уже 10.07.2018 я экстренно сообщил врачу письмом:

«Я прошу извинить меня за бесцеремонность, но посещение моей жены намечено не скоро 03.09, а её состояние внушает беспокойство, и она нуждается, к сожалению, в Вашей своевременной поддержке.

Побочных явлений не наблюдалось, но после приёма приблизительно 20 таблеток Xadago общее состояние моей жены стало заметно хуже: ухудшение памяти, понимания и устойчивости, ночью беспокойство и передвижения во сне.

После не значит поэтому. Тем не менее, мы хотели вернуться к тому сравнительно удовлетворительному состоянию, которое было до приёма Xadago, и поэтому мы решили несколько дней назад свое-вольно вернуться от Xadago к Memantin.

Ухудшение памяти и понимания сохранились и приводят к затруднению в общении с другими людьми и даже между нами. Плюс к этому очень беспокоит нас то, что в некоторые дни возникает резкая слабость. Это бывает до трёх раз в день и продолжается от 15 минут до одного часа. В этих случаях она пьёт кофе, Cola или, как Вы советовали, воду.

Мы не знаем, правильно ли мы поступили, и поэтому обращаемся за рекомендацией к Вам.

Я прошу Вас ответить в любой форме: письменно с помошью почты или, если Вы сочтёте нужным, вызвать жену на приём. Если Вы

подтвердите, что мы поступили правильно и ничего больше не нужно, то нужен всего лишь рецепт на Metantin.»

По поводу упомянутой воды: врач посоветовал при чрезмерном понижении давления выпивать заливом 300 мл воды, и действительно, это поднимало давление на 10–20 единиц. Наши предложения врача согласовал, Люся поблагодарила и сообщила:

- «Чтобы избежать слишком сильной сонливости, я стала принимать 3 таблетки Levodopa/Benzerozid вместо четырёх. Сонливость уменьшилась.
- Иногда на короткое время возникает внутренняя мелкая дрожь, я стараюсь бороться с ней резким напряжением мышц.
- Приём Metantin улучшил мои умственные способности, но меня очень беспокоит недостаток памяти.
- Конечно, слаба координация движений».

18.11.2018 я написал в Сан-Франциско нашим друзьям Гринбергам: Стелле – нашей бывшей коллеге из Ташкентского отделения института и Алеку – её сыну, психиатру:

«Итак, дело в том, что она, уже почти три года осознавая своё незддоровье, часто склонна думать о возможном несовершенстве предложенного ей лечения и мечтать о каком-то ином, которое даст ей выздоровление. (Так моя мама, когда ей было прилично за 90, воскликнула: «Когда же я, наконец, окончательно выздоровею!»). А по сравнению с состоянием, которое было после её ночного падения и ушиба полтора года назад (она ходила даже по квартире, опираясь на тележку с четырьмя колёсиками – роллятор), теперьшнее состояние, созданное с помощью лекарств от её невропатолога, улучшилось в сторону большей самостоятельности и стабильности. И мне кажется, что теперь дело не столько в докторах и лекарствах, а в её собственном противоборстве умственной и физической слабости, недостатку скоординаированности. Но для этого нужно упорство; его, естественно, не хватает, а взамен есть апатия».

Алек в целом подтвердил разумность употребления назначенных Люссе медикаментов и посоветовал подумать о добавлении антидепрессанта. 17.12.2018 я сообщил доктору Kupsch:

«Последнее время наибольшее беспокойство доставляет следующее:

- Апатия и сонливость. В связи с этим наш друг психиатр из Сан-Франциско посоветовал нам обсудить с Вами, не полезен ли в дан-

ном случае антидепрессант, например *Sertraline* или *Paroxetine*.

- *Плохая память и затруднённое мышление. Умственные задачи решаются с большим трудом или вообще не решаются. Например, она не помнит, сколько составляет $7*9$, но может быстро сосчитать, а произведение $13*14$ определяет гораздо труднее.*
- *Плохая координация движений мешает помогать мне в домашней работе. В связи с этим была бы полезна врачебная гимнастика.*

Антидепрессант *Sertraline* врач выписал, но он вызвал такую сонливость, что его пришлось сменить на *Escitalopram AbZ*. Гимнастика была выписана и проводилась: один цикл очень профессионально в специальном заведении и два цикла дома.

Я старался, чтобы Люся сохраняла физическую форму: хоть с роллятором ходила по дому (от окна одной комнаты до окна другой) и ещё лучше по парковому двору у дома, махала руками-ногами, чего не любила, играла мягким мячиком об стенку.... Но в 2019 году, особенно к концу года, снова пришлось использовать роллятор, временами даже для почти любого перемещения по квартире.

25.03.2019 врачу обрисовано ещё большее беспокойство:

- *«Плохая память и затруднённое мышление. Умственные задачи решаются с большим трудом или вообще не решаются. Практически невозможно управление ступенчатыми бытовыми действиями, или даже решение бытовых забот. Часто не удается закончить даже простую фразу.*
- *С этим связана плохая ориентация даже на ближайших к дому улицах, а также во времени.*
- *Поддержание личной гигиены нуждается в моём вмешательстве (однако мне уже 87 лет), особенно в связи с мочеиспусканием. Так, Людмила просыпается только от сильного позыва к неотложному мочеиспусканию и стремится быстро встать с постели, снять трусы с прокладкой и сесть на прикроватное туалетное кресло. К несчастью, часто это выполняется так неловко и медленно, что опорожнение происходит или преждевременно, или из-за неправильной посадки на кресло мимо него».*

На это сообщение врач без всякой нашей просьбы отреагировал заключением о необходимости повысить степень ухода сразу до четвёртой. Вызвали на дом врача-эксперта, и больничная касса приняла предложение немедленно.

Об этом благоприятном изменении 14.06.2019 сообщено врачу:

- «Прежде всего, разрешите поблагодарить Вас за Ваше решительное заключение о состоянии моей жены и Вашей пациентки. Оно привело к тому, что наша Pflegekasse сообщила: „Уважаемая Frau Tchekalovets, мы охотно предоставляем Вам с 01.03.2019 следующую поддержку в соответствии с со степенью ухода 4“. Наша служба OXALES выполняет теперь 6 раз в неделю её утренние гигиенические процедуры и по одному разу в неделю убирает помещение и заботится о пище. Это – очень существенная помощь, но, к сожалению, пока не удалось найти исполнителя для вечерних процедур.»

К этому добавлено:

- «Апатия и сонливость несколько уменьшились, а другие печальные явления сохраняются и теперь. Особенное беспокоит дальнейшее ослабление интеллекта и приступы резкой слабости. Слабость настолько опасна падением, что делает почти невозможными выход на улицу: вся моя поддержка недостаточна. Если ли средства помочь этому?»

На просьбу улучшить интеллект врач ответил, что это невозможно.

С этого времени больничная касса была готова оплачивать 1612 Евро в месяц, что позволило работать службе OXALES на Люсю приблизительно 14 часов в неделю. Однако, доложенная врачу помочь требовала только 9 часов, а остальные 5 часов, нужные для гигиенических процедур по вечерам и утром в воскресенье, OXALIS и никакая другая служба, к сожалению, не могла выполнить: по нашим привычкам нужно было укладывать Люсю спать не раньше 9-10 часов вечера, а такой поздний уход не предусмотрен. Поэтому какую-то часть неиспользованных денег (в среднем 200 Евро в месяц) больничная касса переводила на наш счёт. На эти деньги с добавлением ещё столько же я нанимал двух украинских дам, которые, сменяя и резервируя друг друга, вечерами и воскресными утрами выполняли нужное, как говорила одна из них – образованная музыкантша, по нотам. Ниже приведён для примера фрагмент этого нотного листа.

«Помощь Людмиле на вечер (до или после ужина).

Продолжительность выполнения – до 40 мин.

Гигиена ног:

- Сидя, снять брюки и носки, повесить их на спинку кресла с колё-

сами.

- Снять компрессионные чулки, вывернуть их на лицо, положить туда же.
- Поднять сиденье врачающегося кресла и посадить Л. на него.
- Выполнить с применением разных средств обмазку ступней и ногтей...

Постель и туалетное кресло – пока сохнут ноги:

- Рассстелить постель, покрывало повесить на спинку стула.
- Собрать туалетное кресло (в него горшок и крепление палкой) и рядом положить рулон туалетной бумаги.

Гигиена тела:

- Пока сохнут ноги, снять остаточную верхнюю одежду и повесить на спинку кресла с колёсами.
- Дав подсохнуть ногтям и не надевая носки, осторожно сунуть ноги в тапки.
- Идти в ванную, нести туда носки, чтобы там их позже надеть.
- В ванной снять трусы с прокладкой, эту прокладку положить в пластиковый пакет и бросить его в кухне в мусорную коробку.
- Л. садится на унитаз.
- ...
- Провести Л. в постель.
- Непромокаемую гигроскопичную простынку положить на пол вплотную к кровати, половиной под туалетное кресло.

Движения и особенно ходьбу Люси контролировать!»

Конечно, наличие утреннего и вечернего обслуживания Люси, да ёщё покупка наиболее тяжёлых продуктов, приготовление супа и уборка квартиры – всё это очень помогало мне, но не освобождало от практически круглосуточного тревожного внимания к Люсе и к её помощницам, прерываемого лишь кратковременными отлучками в наиболее близкие магазины, иногда – вместе с Люсей. У входа она сидилась на роллятор – отдыхая, ждала меня.

Урология и низкое давление

В приведённом выше перечне всяких работ впервые видны урологические заботы. На самом деле они возникли раньше, в начале 2015 года, в виде частых позывов в туалет. Обнаружился воспалительный

процесс в мочевом пузыре, Люся пять дней поела антибиотик, дело успокоилось, но потом эта ситуация повторялось неоднократно, последний раз в феврале 2020 года, когда она была уже вне дома. Случалась такая острота позывов, что Люся не всегда успевала справиться, а иногда, наоборот, – неконтролируемое небольшое вытекание. Это потребовало применения сначала прокладок в трусы, потом защитных трусов и простынок, туалетного кресла рядом с кроватью (вне дома персонал применял памперсы, а в больнице более радикально – катетер). И всё-таки я часто занимался лужами на полу и стиркой. Хотя я выработал некую систему жизни по таймеру и разнообразного использования простынок и стиральной машины, возникновение каждого нового случая, особенно ночью, нам обоим чувствительно ударяло по нервам, портило настроение и сон. Был период, когда я рядом с изголовьем ставил таймер, заряженный на два, максимум три часа, чтобы просыпаться и профилактически поднимать Люсю.

Возможность недержания была постоянной заботой и даже сильнее, чем основная болезнь, препятствовала поездкам и общению. В театре, например, Люся использовала каждую возможность, чтобы хотя бы профилактически явиться в туалет. А это упиралось в обычную у дамского туалета очередь, да и далеко не со всякими брюками и их креплениями она умела справиться без моей помощи, а значит требовалось, чтобы заход сопровождался любезной приятельницей. Последний раз мы были в театре в 2018 году, когда всё это удалось организовать, – видели забавный спектакль Гоголь-Центра «Кому на Руси жить хорошо», стилизованный под площадное агит-представление.

В июле 2019 года обнаружились новая напасть – периоды очень низкого давления со слабостью, граничащей с потерей сознания, и резкие скачки давления в течение дня. В течение 8 дней я провёл шестикратное измерение давления. В один из дней верхнее давление прыгнуло за 6 часов от 95 до 155, в другой за 3 часа от 85 до 140, и в части измерений зазор между верхним давлением и нижним составлял всего 20 единиц. Однажды верхнее давление опустилось до 75, ничего не помогало, оно долго не поднималось, а Люся лежала почти без сознания и пить уже не могла. Я был в отчаянье и впервые прощался с ней.

С графиками давления в руках я обратился к домашнему врачу Вензенон, но она несколько брезгливо сказала, что всё это от лекарств,

которые Люсе выписывает Kupsch, пусть он и разбирается. При ближайшем визите к Kupsch 06.09.2019 ему сообщили, в частности, и это:

- «*Наблюдаются резкие изменения кровяного давления в течение дня. Четыре таких дня показаны на диаграмме. Подобные данные мы представили нашей домашнему врачу, и она сказала, что это Ваша проблема и даже дала направление.*- *«Кроме того, последнее время заметно увеличились апатия и сонливость. Может быть, стоит снизить приём антидепрессанта с 20 mg опять до 10 mg или исключить его совсем?»*

На случай низкого давления доктор выписал таблетки Gutron и согласовал исключение антидепрессанта. Эти таблетки очень помогали.

Досада и утешение

Какая-нибудь неожиданная неловкость могла так сильно задеть, что мне не удавалось сдержать досаду и уж совсем неуместные возгласы упрёков. Особенно трудно было, когда необходимость неотложных дел возникала среди ночи.

Днём размолвки бывали редко, но вот досадный пример. Уже многие годы я готовлю утренний завтрак в виде тарелки каши-компота (овсяные хлопья, изюм, чернослив, молоко, корица). Этот завод мне удобен единообразием и простотой, при которых можно отключить мозги, и притом кажется полезным. При всей склонности Люси к разнообразию и бутербродам с чем-нибудь, ела она эту кашу, как и супы, самостоятельно, легко и не без удовольствия. Но в последние полгода пару раз возникала нелепая ситуация: измазанной в каще ложкой Люся принималась задумчиво водить по салфетке такими движениями, как будто тихо помешивала в тарелке. Я не мог от неё добиться в чём дело: то ли она дремлет, то ли не видит, где тарелка. Я вразумлял, салфетку подтирал, а она снова и снова. Наконец, мне стало невыносимо видеть это её унизительное состояние, я отправился из кухни доделать свою кашу за письменный стол. Конечно, возникла обида друг на друга, которая устранилась, сидя рядом в углу дивана, как уже было описано.

Когда же Люсе становилось беспокойно ночью, я, прижавшись к ней или подложив руку ей под голову, описывал райскую сцену. Девочка Люся в красивом светлом платье выходит на лужок, а там под тёплым солнцем растут цветочки, и она их каждый, не пропуская, ню-

хает. И на лужке стоит ослик. Люся подходит к нему, и ослик очень доволен, что такая славная девочка его ласково гладит. И моя славная девочка на этом лужке засыпала.

Попутно. Эта фантазия отразила давно бывшее. На Селигере мы с дочерями искали место сделать привал на ночь и приплыли к высокому мысу, вдававшемуся в озеро. Поднявшись наверх, оказались на чистом лугу с выступающим из земли валунами, с которого открывался широчайший обзор большого озера и лесов, нечто подобное картине Левитана «Над вечным покоем». У основания мыса располагалась крестьянская усадьба, из которой вышла женщина и удивительно приветливо пригласила нас разбить наши палатки на лугу. Мы не могли согласиться: больно тяжело было бы затащивать на эту высь наш скарб, не говоря уж о байдарках, а оставить без присмотра внизу – опасно.

Присутствовал в моём рассказе и другой случай. В начале нашего романа я сопровождал Люсю в детский сад забрать оттуда дочь Катю. На обратном пути к их дому мы шли по широкой довольно безлюдной улице. Катя, одетая в красивое платье, вся удивительно светилась. Она бежала впереди нас и у каждой встречной урны деловито останавливалась и плевала в неё – видно, в саду учили не плеваться куда попало, и она так уморительно демонстрировала нам своё новое приличное поведение.

Силы иссякали

06.12.2019 мы последний раз были у доктора Kupsch, и я уже в большой тревоге передал ему следующий пространный текст:

- «Уже сообщенные Вам печальные явления сохраняются и теперь.
- При хорошем состоянии иногда удается совершать совместную прогулку: полтора часа с одним-двумя отдыхами и с помощью Rollator. Но теперь рано темнеет, а Lioudmila в первой половине дня слишком слаба.
- При слабости, которая связана со слишком низким кровяным давлением (ниже 90), Lioudmila получает четверть или половину таблетки Gutron 2,5 mg. Это помогает, и мы благодарны Вам за это лекарство.
- Хотя антидепрессант исключён, апатия, сонливость и слабость очень мешают. Без внешнего руководства Lioudmila не может заставить себя делать какие-либо упражнения, а это ей так необходимо. Ведь сегодня она практически не способна самостоятельно выполнять обычные бытовые действия: сесть на стул (не мимо стула на пол!, что не раз бывало), встать с него, лечь вдоль постели, а не по диагонали, встать с ней, надеть защитные тру-

сы, рубашку. Часто приходится помогать в процессе еды.

▫ Ровно 50 лет назад, 06.12.1959 мы оформили наши любовные отношения законным браком и с тех пор жили дружно, вместе добились успеха в нашей непростой профессии, практически создали её (моё *Ingenieurbüro* аннулировал я 8 лет назад). Уже 4 года нам удаётся сопротивляться болезни, последние 3 года с Вашей поддержкой. Но теперь я так устал, что боюсь, что мои физические и психологические возможности иссякнут, ведь мне скоро 88 лет. Чем тут можно помочь?»

Но, видно, не только мои возможности, но и медицинские средства были уже бессильны. Вот выдержка из моего жалобного письма хожайке службы OXALIS от 05.01.2020:

«Недавно пожаловался Лене (дама, которая как-то патронировала Люсю от имени OXALIS), что *переутомился и мне необходимо отвлечься хотя бы на пару недель*. Устал я и физически, и психологически: бытовых дел много и плюс к ним каждый день возникает по паре шокирующих сюрпризов и по несколько мелких дёрганий. Стressов много, досуга почти нет, появились нервные срывы. Да и стар стал слишком – мне совсем скоро 88. Не исключаю, что и Людмиле было бы хорошо побывать без моих команд, понуканий и укоров, молчаливых и не таковых. Где выход?

Заселение к нам на время моего отдыха кого-то сверх меня привело бы к житию в общежитии и не устранило бы меня от дел, а поселить кого-то родственного вместо меня – таких нет.

Видимо, остаётся переместить Людмилу на время взаимного отдыха друг от друга в некий, условно говоря, дом отдыха с полным обслуживанием, причём профессиональным (в отличие от моего любительского и поневоле эмоционального: ведь вместе счастливо прожито уже 50 лет, и мне трудно воспринимать, что она уже не та, к которой привык). Лена сказала, что такая возможность сейчас есть – в „*Edelweiß*“. Это недалеко, и я мог бы даже ежедневно являться развлечь и, если потребуется, – донести какие-то шмотки или снять недоразумение.

Я обсудил это предварительно с Людмилой, и надо бы посмотреть, что это такое. Но, конечно, крайне важны и Ваше мнение, и благожелательная поддержка (почему и пишу)».

Со стороны OXALIS, который на время нахождения Люси в упомянутом *Edelweiß*, терял доход от ухода за ней, ответа не последовало.

Формальная же сторона выглядела так. С точки зрения больничной кассы я по отношению к Люсе являлся Pflegeperson – лицом, которое ухаживает за ней во всё то время суток, когда её не обслуживает OXALIS. Это лицо имеет право на месячный отпуск, в течение которого его заместитель может быть оплачен больничной кассой (приблизительно 1600 Евро). Таким образом, вместо этого лица выступает в данном случае Edelweiß, который оплачивался больше, так как Люся не дома, а там.

Через несколько дней я подробно описал это всё Люсиной дочери Кате и сестре Ире:

«Продолжаю вас информировать. Ведь большие почти никому Люсины и мои дела не интересны, и потому главное, что ответственное решение, касающееся Люси, желательно обсудить и принять вместе. Конечно, вместе и с Люсей, но она кроме пассивного согласия ничего не проявляет, и её можно понять: сейчас ей мешает только моё ворчанье, а губительную для неё перспективу того, что я надорвусь, она взять в толк не может. Ослабление ума в её случае счастливо привело к сонной беспечности.

Лена вчера привела меня смотреть это заведение «Edelweiß». (В этом приняла участие и хозяйка этого заведения Биата, владеющая наряду с ним фирмой «Arthea», приблизительно такой же, как теперешний Люсин «OXALIS». Как я понимаю, её «Arthea» дополняет «Edelweiß» какими-то функциями обслуживания пациентов.)

«Edelweiß» помещается в большой квартире на 4-м этаже доходного дома начала 20-го века (в такой квартире такого дома я жил до 23-х лет). В ней 7 больших высоких комнат для пациентов, общая гостиная, столовая-кухня и пр. Обслуживают круглосуточно 7 человек, утром по двое, в остальное время в одиночку. Готовят пищу на месте (хвалятся, что домашняя). Сейчас добавлю: примитивная и во многом покупная – сосиски, какие-то рыбные палочки...

Расположение (Konstanzer Str. 10) – в 4-х автобусных остановках по KuDam от Europa-Center, а там минут 5-10 пешком или одна остановка на другом автобусе.

Пациенты разные. Видел, как лежачую служащую кормят с ложки, один давно лежит без сознания под капельницей, познакомился с двумя дряхловатыми, но ходячими супружами (оба моложе нас с Люсей) – живут в одной большой комнате.

Одна из комнат свободна и предлагается Люсе. Она довольно тёмная: два высоких окна ведут в лоджию на Север. Поскольку сейчас относительно Люси речь идёт только о пребывании не больше

месяца, любой постоянный пациент для фирмы предпочтительнее, и намекают, что таковой наклёвывается.

Мне кажется, что решение нужно принять настолько быстро, чтобы, если мы решимся на время отселить Люсю от меня, сделать это с участием тебя, Катя. Это будет во всех отношениях легче и Люсе и мне (но, к сожалению, не тебе). Следовательно, это должно произойти между 18 и 22 января, а именно – 20 января в понедельник. Возможно (но с риском!) немного затянуть дело, но тогда твой приезд (или отъезд), Катя, нужно соответственно задержать.

Во всех, как я понимаю, подобных заведениях в каждой комнате имеется большой телевизор, и все русскоязычные смотрят весь день главную российскую программу. Чтобы Люся не отупела от этого совсем, мне хотелось бы дать ей возможность самостоятельно (без меня) через простейший в управлении плейер слушать худ. литературу, спектакли с носителя в виде CD и, желательно также, с электронной памяти. Важно только, чтобы после остановки продолжалась с того же места. Может быть, вы найдёте для неё такой прибор? Ну вот, теперь я вас всем озадачил.

Прочитал этот текст Люсе, и она призывает надеяться на лучшее и предаёт вам сердечный привет».

Решили так и сделать. Как раз на это время Катя планировала приезд к нам, она действительно приехала, и мы вместе с ней 20.01.2020 и с помощью фирмы перевезли Люсю в „Edelweiß“.

Но как я был доволен нами, когда последние два дня, проведённые дома, мы, для проверки своих возможностей, выходили с роллятором на улицу, берегом канала шли в парк и так гуляли часа полтора, привём во второй день – даже без отдыха на лавочке!

Глава 2

Без возврата

B „Edelweiß“

Там я почти каждый день посещал Люсю, проводил с ней по несколько часов. Почти всегда заставал её спящей на диване в гостиной. Именно в гостиной – для удобства наблюдения персоналом, тем более что на соседний диван укладывают ещё одну пациентку. Персоналу меньше хлопот, когда пациент не активен, спит. Я будил Люсю, переводил в её комнату, там кормил, развлекал, тормошил.

Я надеялся, что в пристанище старииков домашний успех удастся развить, а оказалось – наоборот: там это было сложнее организовать, чем дома, да и погода стояла скверная. И Люся быстро так расклейлась, что и по тамошнему длинному коридору пройтись не всегда желаала даже со мной, а уж сама – никогда.

Дома я, что бы ни делал, поневоле постоянно мелькал перед ней. Что-то дома происходило: люди, телефонные разговоры, радио, чтение её любимого романа «Мастер и Маргарита» с диска. Да я её и специально взбадривал, окликал, упрекал, тянул. А там Люся бесконечно спала, иногда тихо и с удовольствием, иногда тяжело дыша, и – быстро слабела.

Вот обидный пример. Подготавливаясь к Люсиному переезду, я попросил Катю привезти для Люси простой русскоязычный мобильный телефон с крупными клавишами. Чтобы Люся могла легко вызвать мои два номера в Берлине и Катин в Москве, Катя шустро настроила эти вызовы простым нажатием одной из нескольких кнопок клавиатуры. А чтобы ответить на вызов, достаточно было нажать любую кнопку. Всё, казалось бы, так хорошо задумано и всё так просто! Но – попусту: Люся уже не смогла этого запомнить, и, вдобавок, её палец не мог чётко нажать на кнопку. И телефон использовался только с помощью персонала, значит – редко. А тем временем Люсины слова теряли внятность, особенно для меня, тухоухого.

Через пару дней после переезда я, к счастью, проконтролировал приём лекарств и убедился в вопиющей путанице, поправил и жалею,

что дальше контролировал не так бдительно. Вместе с тем, там я увидел более профессиональные, чем у меня, приёмы обслуживания.

День рождения Люси 23 февраля отметили в тамошней гостиной, что не обошлось без характерных трений с персоналом. Я не хотел тащить Люсю в ресторан, а руководящие дамы утверждали, что сбоку нарушил покой остальных пациентов. Я же клялся, что все будут ходить тише, и никто отнюдь не будет врываться в чужие комнаты. Нервные троекратные переговоры завершились позволением. Всё, что требовалось для скромного, но всё же пристойного застолья, мы привезли из дома, я попросил только поставить на стол имевшиеся у заведения чайные стаканы. Выполнили: поставили разнокалиберные кружки.

Люся на завтра после её ДР 23.02.2020

Приехали из Москвы Катя с мужем Денисом и Ира. Пришли наши подруги Аня и Рита. Выпили вместе с Люсей шампанского, белого вина, закусили приготовленными дома бутербродами с тем-сем, попили чай с вкуснейшим тортом, купленным в хорошем магазине Катей и Денисом, оживились, поговорили. Люся была спокойна, посильно участвовала, часа через три гости забрали нашу посуду и удалились, а я побыл с Люсей до сна.

На следующий день Катя с Ирой и я опять пришли к Люсе, шутили, фотографировались. Что изобразила

сделавшая это фото Катя, чтобы Люся так удивительно рассмеялась, не помню.

Мы все вместе наметили с начала марта перевезти Люсю в другое подобное заведение и осмотрели его. Оно интересовало своим местоположением: в 5 минутах ходьбы от нашего дома, и это сэкономило

бы мне на каждой поездке к Люсе около полутора часов и много сил, что важно для неё же. Однако этому плану не суждено было сбыться.

Всего за несколько дней до больницы я затеял игру: стал метров с двух-трёх кидать ей мягкий шарик, служащий мне для выправления пальцев рук. К моему удивлению она, сидя, ловко его ловила. А вот вернуть его мне так метко, чтобы я смог поймать, не могла. Получилось, что соревнование выигрывала она.

Следующие за праздником дни состояние Люси ухудшалось. На 02.03.2020 предстояло плановое посещение доктора Kupsch, оттуда, намечалось, – на несколько дней домой и затем переезд в новое заведение, которое только открывалось; всё это уже с участием его хозяйки Сабины. Для визита к доктору было приготовлено следующее письмо, которое я ему переслал позже, вместе с известием о смерти:

«Уже немного больше месяца она находится в „Edelweiß“ (Konstanzenstr. 10), где осуществляется Kurzzeitpflege. Почти каждый день я посещаю её, провожу с ней несколько часов, кормлю её чем-то привычным и особенно вкусным, читаю вслух, мы разговариваем (она говорит невнятно, а я слышу плохо), я контролирую прием лекарств. Там её обслуживают менее эмоционально, но профессиональнее, чем я.

В результате я, действительно, немного отдохнул, стал высыпаться, поясница почти успокоилась.

Сейчас Люся принимает лекарства по следующей схеме (таблицу опускаю).

Однако уже сообщенное Вам печальное состояние Люси за последние дни ухудшилось. Последние три дня её ноги подгибаются, и она не может передвигаться по полу даже с помощью роллятора. Возникают периоды, когда она не хочет просыпаться, когда сидит или лежит в апатии, не хочет или не может говорить (всегда говорит тихо и не вполне внятно), затрудняется глотать даже воду. Она дышит часто открытым ртом с бульканьем и перерывами (мне кажется, это называется апноэ).

Я не знаю, что явилось причиной ухудшения: естественное течение болезни или полное отсутствие упражнений для тела и ума в условиях „Edelweiß“.

Только что семейное собрание с её участием (по поводу её дня рождения, 84 года) решило поместить её в Wohnungsgemeinschaft на

длительное время, но не в том, в котором она сейчас находится, а в новый, расположенный в пешей доступности от нашего дома (Wichmannstr. 12). Предполагается, что там будет организована для неё более активная жизнь».

Однако к моему вместе с Сабиной приходу Люся сидела, очень тяжело дыша и не вполне понимая окружающее. По коже руки Сабина возмущённо отметила обезвоживание. Вызвали скорую помощь. Она быстро приехала, и после обследования сердечных дел предложила везти Люсю в клинику. Её вынесли на передвижном кресле к машине, там уложили, накрыли, закрепили, приказали мне поддерживать для дыхания её подбородок и поехали.

В больнице

В приемном отделении взяли анализ крови, немедленно закапали литр воды через вену в кисти руки и поместили в отделение неврологии. Там, врачи и сёстры долго приспосабливали трубки в рот в нос, потом, уже без меня, и катетер. На следующий день профессор, поговорив со мной, отправил Люсю в отделение интенсивной терапии.

Горловые затруднения с дыханием, речью, питьём и едой (как мне объяснили, всё попадало вместо пищевода в трахею) постепенно усиливались, оборачиваясь приступами воспаления лёгких. Люсе, давали, конечно, антибиотики, воспаление уменьшалось, потом опять, потом на некоторое время подключали вентиляцию лёгких и т.д.

Я там бывал каждый день (когда объявили карантин по эпидемии, мне дали пропуск), развлекал Люсю, беседовал с многословными врачами (с помощью переводчика в планшете). Её кормили и поили только через трубку, реанимировали, продували ей лёгкие, давали антибиотики и кислород. Ей становилось то лучше, то хуже.

18.03.2020 меня днём вызвали в клинику, где состоялся обстоятельный разговор с заведующим отделением (через специально приглашённую клиникой переводчицу Надю Бернхардт). Он доходчиво, внимательно, спокойно растолковал положение и перспективы. Сказал, что Люся в опасном состоянии, и обрисовал дилемму: или, чтобы попытаться улучшить его, делать ей две операции, или продолжать терапию и надеяться на оставшиеся силы организма.

Операции таковы: для дыхания – трахеотомия (врезать канюлю в трахею), а для подачи пищи врезать зонд в желудок. Обе сразу или с

паузой и в какой последовательности не ясно (видимо, решат хирурги). Риск при этих операциях и из-за возможных осложнений для неё, ослабленной, большой. После операций ходить и разговаривать не сможет, будет ли в сознании, неизвестно; потребуется серьёзный уход за ней, за ранками, за вставленными двумя трубками. Прогноз продолжительности жизни, если операции и послеоперационный период пройдут благополучно, – месяцы. Какого рода медицинская служба нужна для специфического ухода за Люсей при наличии трубок? Им ясно, что сам я дома справиться не смогу, но и к моему вопросу доктор не был готов, сказал, что мне помогут найти такую службу. Со своей стороны я узнал, что уже знакомые мне заведения не подходят и, вероятно, не имеют права осуществлять такого рода серьёзный уход.

Если от операций воздержаться, то при продолжении её лечить (против Паркинсона и антибиотики для лёгких) и за ней ухаживать (еда по трубке, вставленной через нос, вода в вену, кислород или воздух, обезболивание) улучшения ждать нельзя и прогноз – недели.

Я выслушал и, насколько был способен понимать, понял. Я выскажал единственное мне ясное мнение, наше с Люсей общее и на такой случай давно выработанное относительно нас: не поддерживать жизнь тела при отсутствии сознания, а пока оно есть, делать всё, что можно. Для совета с близкими я взял паузу.

А Люся в этот день не просыпалась (может быть, под действием лекарств?).

Я написал Кате: «*Основное, как мне кажется: долго дышать так, как было сегодня, вряд ли возможно, а, с другой стороны, сможет ли Люся адаптироваться к дыханию через канюлю? А потом ещё, возможно, и зонд в желудок*». В результате, я и Катя предпочли не взвешивать Люсю в трудные, но почти бесполезные операции, после которых, если она их и перенесёт, ей, крайне ослабленной, было бы трудно, вряд ли возможно освоиться с хоть какой-то жизнью через трубы. Через день наше решение я сообщил врачу.

Из-за эпидемии Катя приехать уже не могла.

Последние дни я читал Люсе стихи. В четверг 19.03 Люсе стало лучше, читал «Вакханалию» Пастернака. В пятницу 20.03 читал «Сказку о спящей царевне», в субботу 21.03 – «Сказку о царе Салтане». В воскресенье 22.03 – «Сказку о попе», но на неё Люся реагировала слабо.

В понедельник 23.03 утром Аня позвонила, сказала, что велели прийти с переводчиком. Она, в качестве переводчика, на такси захватила меня. Переместили в реанимацию. Новый врач, спросил, действительно ли я отменил терапию, положение критическое. Я ответил, что, отказался только от операций.

Пришёл заведующий, долго говорил. Я сказал, чтобы делали всё, пока есть сознание. Засутились.

Люся исхудалая, почти не реагировала.

Последнее с Люсей

Во вторник 24.03.2020 утром в 7:50 позвонили из клиники, сообщили о смерти, предложили приехать проститься. В 10 часов приехал. Голова была уже холодная, а тело и руки под одеялом тёплые. В открытый рот вставил зубной протез, вытянул из носа неожиданно длинную трубку, служившую для кормления, обтёр лицо, целовал. Поговорил, обещал написать текст-некролог о моём удивительном друге.

Отказался от вскрытия, попрощался с персоналом.

Из дома позвонил Ане, она велела ехать в общину для разговора о дальнейшем. Милейшая служащая Zint похоронного отдела согласовала со мной похороны на 30.03 в 11:00 на еврейском кладбище Heegstr. 141 и объяснила, что я должен делать с бумагами.

Вернулся в как никогда пустой дом.

Заботиться стало не о ком.

В понедельник 30.03.2020 в 11:00 состоялись похороны. В связи с эпидемией к церемонии было допущено не больше семи человек (из Москвы – никого). Были Рита с младшим сыном, соседка Тамари с дочкой Софико и ухаживавшая по вечерам за Люсей музыкантша Алла с дочкой Мариной. Гроб уже был в могиле, и кантор Fahlenkamp читал и пел прямо над ней.

Бросили на гроб песок, рабочие чуть присыпали, закрыли досками. Я не сдержался, рыдал в сторону, было холодно.

Через час на такси был дома, выпил рюмку. Пришла Тамари с цветами, вином (и в подарок связкой тогда дефицитной туалетной бумаги). Выпили по рюмке, повспоминали Люсю.

Стало пусто.

Хлопоты по памяти о Люссе

Первое время от горя по Люсе отвлекали официальные дела, вызванные её смертью: рассылка извещений, оформление моего нового вдового статуса, оплата похоронных услуг, заказ надгробья (сразу на двоих).

Вместе с Катей выбрал красноватый камень, подобный надгробью моего брата и родителей в Востряково; небольшая вертикальная плита с одной пока надписью и квадратный бордюр, внутри которого – камешки.

Мастера обещали в ноябре всё выполнить, но, из-за эпидемии что ли, тянули нервы чуть ли не до годовщины.

24-го сентября исполнилось полгода без Люси. Накануне меня опять возили к ней на кладбище, и в этот раз я впервые решился быть с ней один.

По дороге купил такие цветы, какие мы часто ставили дома, – вроде лиловых или белых крупных колокольчиков по многу на длинном стебле. В её холмике чуть прикопал их в банке с водой. Положил камешек, сделал фото, чтобы не быть одиноким, побормотал ей кое-что. Был ясный тёплый день.

Вернулся в пустой дом, собрал на стол, выпил рюмку, по привычке сказал пустому стулу против меня: «Будь здорова!» – побормотал, поел, на диване уткнулся в книгу, заснул.

В марте наконец мне сообщили, что заказ на надгробье выполнен.

Как раз несколько дней назад снег растаял, установились прекрасные солнечные дни, и в 85-ый день рождения Люси, служба ухода (теперь за мной) свозила меня на кладбище. Проведать Люсю и удо-

стовериться, что мастерская всё сделала, как договаривались. Сделали почти правильно. Только для будущей надписи обо мне оставили моловато места и вместо цветных мелких камешков положили большие чёрные.

Получилось традиционное траурное сочетание красноватого с чёрным. Зато поставил яркую мимозу. Протёр камень, сделал фото, по-прощался.

Уже больше года эпидемия не позволила даже совсем небольшому кругу родных и друзей вместе вспомнить Люсю у её могилы, теперь уже оформленной, уж не говоря о запоздалых поминках. Но Люсины родные, старые и новые друзья, знакомые помнят, звонили, написали. Это трогательно и, не мог от них скрыть, очень печально.

Думал, наконец выполненный первый долг памяти облегчит печаль, но нет. Теперь, переходя к последней

главе воспоминаний, приближаюсь к выполнению и второго, последнего, долга перед моим другом.

В 1961 году Анна Ахматова написала четверостишье:

Что войны, что чума? – Конец им виден скорый,
Их приговор почти произнесён.
Но как нам быть с тем ужасом, который
Был бегом времени когда-то наречён...

Оно опубликовано в сборнике её избранных стихотворений «Бег времени», 1963.

Глава 3

Восстанавливая в памяти

Память о брате

Много лет назад, в октябре 1959 года, меня потрясла гибель моего старшего брата. Когда стараниями его друзей была опубликована книга его статей М. Иофьев «Профили искусства», М., «Искусство», 1965, я впервые попытался понять значение памяти о человеке. Тогда я записал для себя приблизительно следующее.

Посмертная память – единственное нерелигиозное утешение в предвидении смерти, вероятно, та надежда, которая позволяет всю жизнь без паники приближаться к концу. Какова память, дурная она или добрая, долгая или короткая, – этим, в конечном итоге, измеряется ценность человеческой жизни среди людей. Не только созданное вещественно, «в дар поколеньям взращённый столетьями хлеб» (Б. Пастернак «Хлеб»), не только «пожелтевшие листы в стенах вечерних библиотек» (Н. Гумилев «В библиотеке»), но бесцenna и живая память людей.

Выход книги брата радовал, конечно, тем, что его таланту, наконец, воздано по заслугам. Памятливость её друзей-составителей, её редакторов претворилась в ту силу, которая преодолела не одно чиновничье препятствие. Чтобы книга состоялась, было мало того, что брат был замечательным профессионалом в своём деле, не считал вроде наёмного сезонника, своё дело только средством заработка, мыслил самостоятельно, излагал стройно. Он был человеком общественных интересов среди упадка общественности, был внимательным учеником замечательных учителей и открытым дружбе среди друзей, а это редкий дар.

Я тоже постарался внести свой вклад в память о брате: в нашей общей «Книге ХХвек» рассказал о нём, и представил воспоминания его друзей и коллег, а также его статьи, не вошедшие в книгу 1965 года.

Там же рассказано и о наших родителях.
И немного о Люсе.

Как трудно выстоять

Люся не раз с благодарностью вспоминала учителя чистописания или, не помню, русского языка, явно из бывших, оказавшегося какими-то судьбами в сибирской школе близь гарнизона. Он был так внимателен к Люссе, что за её плохой почерк упорно ставил ей плохие отметки и давал прописи для многократно переписывания дома. И выработался нормальный, понятный и даже красивый почерк, существовавший, пока болезнь его не испортила и не ликвидировала совсем.

Другой процесс обучения я наблюдал сам. Когда я выполнял приватное исследование для шведской фирмы АВВ, потребовалось писать отчёты и общаться на английском языке. Я о нём понятия не имел, а Люся, наоборот, изучала его в школе и в институте. (На экзамене по английскому языку так удивила институтского преподавателя, что он спросил, откуда она и кто её учил. Он ещё более удивился, услышав о каком-то сибирском городе. А между тем, там попадались грамотные люди – из бывших арестантов и ссыльных.) Однако, с тех пор прошло много лет, и Люсины языковые знания слишком ослабли. В силу возникшей необходимости Люся поступила на платные курсы языка, где были отличные преподаватели, чуть ли не природные англичанки, и применялись удобные учебные тетради. Давление обязательных занятий и упражнений, а также ответственность за расход довольно заметных наших средств заставили Люсю прилежно заниматься и добиться за год значительного успеха.

В иных случаях с приобретением новых навыков, знаний Люся справлялась сходу, по наитию, а если обнаруживалась необходимость в упорном самостоятельном изучении, пыталась обойтись без них.

У Люси редко возникали амбиции и ещё реже она проявляла упорство в осуществлении. Например, как уже упомянуто, она поступила в аспирантуру. Но, встретив явление, для которого создать адекватную математическую модель было сложно, на решительное упрощение не решилась и отступила. К тому же она уже руководила значительной и слишком хлопотной частью наших проектных работ.

Приведу, однако, случай, в котором Люсина настойчивость привела к успеху, сопроводившись, правда, с другой стороны, податливостью Кати. При окончании математической школы у Кати не было заметно особенной склонности к той или иной деятельности, и это приводило нас в растерянность. Инвентаризация Катиных потенций при-

вела Люсю к соображению, что Катин дед считается в семье несостоившимся художником и что Катя, в отличие от самой Люси, тоже что-то в детстве рисовала. И Люся решила отдать Катю в архитекторы. Я удивился, но сильно возражать не стал. Наняли художника, который быстро научил Катю, как нужно на экзамене рисовать с натуры гипсовую голову. И она честно научилась, как-то нарисовала, остальные экзамены (на общем безмозглом в смысле математики фоне будущих архитекторов) сдала вполне хорошо и – поступила. Училась не без приятности, потом изумительно пользовалась рейсфедером, но архитектурой занималась мало, даже почти не участвовала в обустройстве нашего собственного жилья, а предпочла организационно-счётную деятельность, в которой уже лет 35 выглядит неплохо.

Когда к нам переехала Катя, с ней переехало и семейное пианино, на котором она, как ранее её мама, упражнялась под руководством частного учителя. Никакого рвения она не проявляла, и Люся немало просидела с ней рядом, вдохновляя её и, к моему удивлению, исправляя на предмет соответствия нотам и росписи пальцев (Кате часто казалось удобнее применить другой палец; она уже смолоду счастливо полагала, что «сама лучше знает»). Оказалось, что Люсе знакома нотная грамота и она может правильно распознать неверную ноту и попасть в нужную клавишу. Конечно, со временем Катя наотрез отказалась заниматься музыкой, а Люся, в отличие от папаши Моцарта, не нашла решительности заставить. Катя лишь повторила Люсин путь в музикальный тупик.

Люся с удовольствием посещала музыкальные концерты, но любопытно, что от мамы и дочери, частично посвящённых в музыку, мне никогда не приходилось слышать какого-нибудь подобия пения или суждения о музыке. В отличие от меня – профана со слабым музыкальным слухом, который постоянно что-то фальшиво напевает и смеёт иметь предпочтения. Люся пела только один раз: я уговорил её в гостях у наших дрезденских друзей Греты и Толи вместо тоста спеть вдвоём приветственный куплет: «Мы желаем счастья вам / Счастья в этом мире большом...».

Хотя Люся в школьном спектакле сыграла жену городничего, хотя любила театр, сама склонности к актёрству, даже просто к подражанию, к кривлянию не обнаруживала вовсе. Она не рассказывала смешных историй, анекдотов и сама не хохотала, только слегка улыбалась.

В этом смысле её смеющееся лицо, представленное в начале второй главы этой части, – редкая удача фотографа, Кати, сстроившего, видимо, уж очень смешную мину.

Ещё одно наблюдение. Она охотно слушала стихи, но сама, имея прекрасную память, мало стихов знала, вслух их не читала, но нередко помогала мне что-то вспомнить.

С профессиональными докладами не любила выступать, но на небольших совещаниях иногда удивляла дальностью неожиданных мнений.

Можно сказать обобщённо, что Люся очень охотно воспринимала готовое, но трудностей создания не любила.

По мере того, как с возрастом и из-за болезни различные умения, пусть только пассивные, стали исчезать, появилась потребность их поддерживать. Чтобы воспротивиться деградации нужно производить ревизию умений и посильно обновлять их. Приходится разбирать умения на элементы и эти элементы упражнять. И ко всему этому Люся оказалась крайне плохо подготовленной.

Я просил Люсю стремиться сохранить память, способность писать и речь, а для этого учить ранее знакомые ей стихи, записывать их по

Девушка лежа в церковном хоре облечь
всех. Все устыдятся усталих
Девушка лежа в церковном хоре
все устыдится в залу том краю
все кораблях, ушедших в море
все, забывших радость свою

Так лежа сё голос, лежащий в куполе,
И лук сила на белом небе
И каждый из зрака смотрел и слушал,
как голос плачье чиркело в зале
И все казалось, что радость будет,
что в гибких заводах все корабли,
что на пурпуре обрадован, или сирене
тишь сие забытье
Что бы в забытье

памяти или из книги, затем громко их декламировать. Она занималась этим крайне мало. Здесь приведен один из немногочисленных примеров: в середине 2019 года Люся переписывала стихотворение А. Блока, и видно, что быстро устала.

На мой взгляд, простейший и верный тест на умственные способ-

ности – устный счёт, и о Люсином затруднении в этом деле я даже сообщил врачу. Сначала Люся могла перемножить два не слишком

больших двузначных числа, потом способность понизилась так, что была забыта таблица умножения и умножение двух чисел из первого десятка давало не немедленный результат, а требовало расчёта, который производился с натугой. Интересно, что алгоритм расчёта сохранился в памяти лучше, чем прямой результат, но, конечно, он не работает без способности запомнить промежуточные результаты расчёта. Поэтому тренировка устного счёта мобилизует и память, и логическое мышление.

Люся рассказывала, что в школьные годы участвовала во множестве различных соревнований, даже бросала диск. Насколько я понял, да и сам подобное видел, такие соревнования не предварялись тренировками.

Не говоря о более позднем возрасте, когда Люся хорошо и подолгу гребла на байдарке, слабенько играла в теннис и, бывало, не только ходила, а временами даже бегала на лыжах, и в преклонные годы кое-что сохранилось. Люся с удовольствием ходила; в начале 2019 года могла, пусть не быстро, пройти несколько километров за час-полтора, в особенности, если была какая-то цель. Например, мы так ходили через парк к довольно дальнему (3 км) нам симпатичному продмагу, хотя к нему вполне удобно можно приехать на автобусе. Еще охотнее и свободно плавала, только опасалась в одиночку заплывать далеко, а я в этом деле её поддержать не мог. Но совершенствовать свои навыки путём упражнений и, тем более, нудно делать просто упражнения для тела она не желала, иногда только поддавалась моему нажиму.

За последние два года жизни Люся несколько раз падала. Один раз она совершенно неожиданно упала, пока мы, стоя рядом друг с другом, ожидали зелёного света светофора, чтобы перейти к кафе, в котором мы периодически обедали и, кроме того, брали готовые блюда домой. Другой раз так было дома, в передней. Дважды было и так, что на улице посторонние люди помогали мне удержать Люсю от падения.

В одном из этих случаев мы были в совершенно критическом положении.

Шофёр из патронировавшей Люсю службы OXALIS привёз её и меня от её врача к нашему дому, мы потихоньку вылезли, сделали подругу несколько шагов к подъезду, и тут Люся стала оседать. Я её очень неловко обхватил, держу, кричу шофёру, чтобы он помог, а он уже успел уехать. До подъезда ещё метра три, опереться совершенно

не на что, а я чувствую, что удержать Люсю у меня сил нет, её ноги подгибаются, и вот сейчас мы оба грохнемся на камни. Я панически оглядываюсь вокруг, и не вижу ни души, кричу „Hilfe!“ (помощь) – впустую. И тут я слышу недалеко голоса: по нашему тротуару приближаются люди. Они услышали меня, потом увидели нашу беспомощность, и здоровый парень бросился к нам и, к счастью, поддержал. Из разговора оказалось, что они, небольшая группа молодых людей из России, в Берлине проездом на Канары, а сейчас идут в сад-пивную, которая близь нашего дома. Их руководитель любезнейшим образом помог мне поднять Люсю в квартиру и даже усадить на кровать. Обошлось.

Но большая часть падений происходила при попытке сесть на стул (кресло, постель), подойдя к нему боком и, как бывало в молодости, изящно изогнув стан, а теперь в старости, попав на сидение только малой частью попы. Несмотря на остеопороз (против него постоянно принимались меры) эти падения ничего не ломали, но получалась шишка на голове. Однажды голова ударилась о ребро батареи отопления, из ранки пошла кровь, пришлось вызвать врача, за неделю зажило.

Если дело происходило не на улице и помочь подняться после падения было некому, мне одному это было не по силам. Пришлось разработать систему поэтапного долгого подъёма с максимальным привлечением слабой Люси. Удивительно: она, в отличие от меня, не пугалась, а, как могла, помогала.

Чтобы не промахиваться мимо сидения, пришлось понять, как человеку это надёжно делать без посторонней помощи. Как сесть, встать, лечь, подняться? По поводу сесть стал разучивать с Люсей последовательность: обеими ногами почувствовать сзади стул, обеими руками, чуть пригнувшись, взяться за его край, тихо садиться, опираясь на руки. О встать: ступни ног максимально продвинуть назад, туловище максимально наклонить вперёд и, опираясь руками на колени, оторвать зад от стула и затем выпрямиться. Проходили всё это много-кратно, но то ли Люся запомнила плохо, то ли координация подводила.

Аналогично пытались заниматься гимнастикой (лёжа). А нравилось Люсе качать силу на балконе: держась за край ограды глубоко присесть и затем за счёт силы ног и рук встать – это напоминает греблю на лодке.

Упражнения были всякие, но Люся никогда не сделала ни одного по своей воле, только под моим нажимом и присмотром, а у меня за всеми делами ни времени, ни энергии не хватало.

Теперь, оглядываясь на период болезни, понимаю, что, вероятно, преувеличивал Люсину понятливость, способность запомнить и возможность выполнить. Например, в уже описанных эпизодах с размазыванием каши нужно было не негодовать, а понять, что её сознание где-то далеко, сразу сесть рядом и, как не раз делал, покормить с ложки. Правда, написать это сейчас несравненно легче, чем постоянно поддерживать самообладание в то время, когда не только её сознание иссыкало, но и мои возможности были уже почти израсходованы.

Запоздалая попытка понять

В моих записях не раз проглядывают восхищение, ворчание, даже насмешка или раскаяние, которые Люся слышала от меня. И так или иначе принимала. Ведь эти записки очень откровенны. Они не только о Люссе, получилась история и её почти неразлучного спутника, меня то есть.

Рой воспоминаний заставил меня обратить на многое более пристальное внимание, чего, пока Люся была со мной, в заботах быта, к сожалению, не сделал. Теперь я могу обсудить это только с самим собой.

Откуда у Люси её благожелательность, нейтральность, отсутствие упорства?

Согласно собственному тексту Люси из начала предыдущей части, её родители, как, вероятно, и более отдаленные предки, выживали в покорности обстоятельствам, в согласии с мнениями своей общественной группы, копируя своё поведение с поведения окружающих. Всё вместе это можно уместить в понятие конформизм. Этого рода поведение великолепно изучено, и ясно, что копирование тем точнее, чем окружающая группа влиятельнее в обществе, является доминирующей, а не маргинальной. Любопытно, что оба родителя, в сущности, порвали со своей родной средой, крестьянской и еврейской, сменив её вместе со многими из этой среды на новую среду, партийную, ставшую монопольно руководящей в стране. Они растворились в ней, неосознанно сохранив, к счастью, некоторые понятия своих предков,

что способствовало не двоемыслию, конечно, но всё-таки некоторому благоразумию, мягкости поведения в обществе. Отсюда можно сделать краткий до грубости вывод, что детство Люси прошло в семье, где царил конформизм без оголтелости.

Мне представляется, что очень существенное добавление в характер Люси внесла школьная юность. Напомню основное.

Её школьные годы прошли в обстановке замкнутого пригарнizonного мирка. В нём она видела хотя бы внешне благополучную жизнь семей офицеров довольно высокого ранга и их непременно приветливых подчиненных. Она училась, в основном, среди детей этих же семей, и её учителями были дорожившие своим местом жёны офицеров, часто более образованные, чем их мужья, с добавлением ещё и тихих выходцев из бывших. Она совершенно не сталкивалась с другого рода населением страны, с его страшной жизнью.

Благодаря своему живому уму Люсяправлялась со школьными делами очень легко, а в семье не знала домашних забот и не обременялась работами. Она участвовала в разнообразных спортивных соревнованиях, и, видимо, её высокая самооценка не позволяла ей огорчаться неуспехами. Ей, конечно, иногда хотелось предстать в виде гранд-кокет, но она понимала, что её привлекательность стоит на другом, на хорошо видных благожелательности и разумности. Она не пыталась усовершенствовать свой внешний вид, одевалась просто, аккуратно и, насколько позволяли возможности и стеснительность, – качественно. Мне приходилось уговаривать её купить что-то лучшее, зато потом она эти вещи любила и берегла. Уже лет под 80 посетовала, что её лицо покрывается множеством мелких морщинок в отличие от моего, на котором крупные, зато их мало.

Если вспомнить, что её семья жила подчёркнуто скромно, можно понять, откуда у Люси спокойное отношение к нарядам, украшениям, косметике, отсутствие зависти к киношным дивам. Но она очень берегла золотое колечко с косой нарезкой по всей окружности, которое мы купили в каком-то нашем давнем путешествии как сувенир и которое как-то её грело неявной заменой обручального кольца. Она никогда не снимала его, и за годы нарезка почти стёрлась. Иногда, под настроение или по поводу, рядом с ним надевала тоненькое колечко с двумя (!) красивыми камешками. За несколько дней до смерти, когда Люся была в полу забытьи, медицинская сестра вдруг сняла эти два

колечка с её пальца и передала мне. Теперь оно, вместе с другими Люсиными простенькими драгоценностями, ждёт приезда Кати.

В школе ей внушали, что она живёт в счастливой сталинской стране всеобщего равенства, заботы о людях, стремления к их счастливому будущему и к миру. Ведь если и есть бой, то он справедливый и, как в песне, последний и за вечный мир. И у неё не было оснований не верить этому. Видимо, отсюда Люсино не слишком сильное беспокойство относительно событий в стране и в мире. Встреча со мной несколько поколебала эту идиллию, но описанный здесь резкий посту-пок со свечкой в августе 1991 года – редкое исключение.

В результате всех этих замечательно сложившихся обстоятельств, Люся росла в отгороженном от драм внешней жизни замкнутом раю, не имея никаких причин для сомнений в совершенстве мира и в своём достойном внутри этого мира существовании, без беспокойства о будущем.

Вот на такой очень искусственной почве выросло это деревце Люся. И я не могу не повторить давно известное наблюдение: счастливая молодость даёт прекрасную основу жизни. В Люсином же случае, юное счастье было так далеко отстранено от окружающей действительности, что возник перехлест – неподготовленность к реальной жизни, ослабленные волевые качества.

К людям вообще, к общественным деятелям и общественным делам Люся относилась с некоторым ровным безразличием, и болезнь это усилила. Она редко бывала чем-либо недовольна, ещё реже это проявляла и никогда публично; никого и ничего не ругала. (Бранных слов, тем более неприличных, не произносила; во всяком случае, я ни разу такого не слышал. Я менее сдержан, и моя редкая ругань всегда вызывала её укор, о чём мне часто теперь приходится себе напоминать.)

Значит ли это, что Люся не понимала окружающее, что ей, например, нравились призывы к нетерпимости голосами не только вождей, но и «инженеров человеческих душ»? (В 1930 году М. Горьким пущена фраза «если враг не сдаётся, его уничтожают», в 1948 году К. Симонов удачно отчитался о поездке в США полным ненависти сборником стихов «Друзья и враги». Позже В. Высоцкий печально отозвался на это песенной строкой: «и людей будем долго делить на друзей и врагов.»)

Думаю, что её обычно спокойное выражение лица говорило не о безразличии, а, скорее, о выработанной смолоду склонности принять жизнь такой, какая есть, не пытаясь попусту делить её на плохую и хорошую или усовершенствовать. Не раз Люся просила и меня быть осторожнее с людьми, не выказывать недовольства. В ответ и люди редко досаждали ей лично. Я знаю всего два-три таких случая, их я упомянул. Она не была борцом ни за себя, ни за других.

Перебирая в памяти отношение Люси к внешним проявлениям жизни, её некоторую благодушную индифферентность я связываю с двумя главными обстоятельствами.

Первое из них выше уже намечено. В делах, не очень задевавших Люсю эмоционально, индифферентность проявлялось всегда, а с нашим переездом в Германию, т.е. в среду, плохо понятную для нас, эмоционально безразличную и поэтому не стимулирующую какого-либо реагирования, это, естественно, усилилось, стало заметнее. Это, конечно, коснулось и меня, но в меньшей степени, потому что я был более занят языком, профессией, бытом и организационными делами.

Её роль в нашей маленькой семье была несколько пассивной. Например, она больше, чем я, нуждалась во внешних впечатлениях, и, видя это, я, многократно толкал её следить за культурной жизнью вокруг и вытаскивать нас из скорлупы домашних занятий. Плохое знание немецкого закрывало для нас драматический театр, но музыкальные и балетные спектакли, концерты и музеи Дрездена и потом Берлина – всё это было доступно. Но обычно она и в развлечениях ждала моей инициативы.

Второе обстоятельство вырисовывается более смутно, но беспокоит сильнее. Окидывая взглядом годы в Германии, я теперь склонен предположить, что Люсина болезнь началась много раньше, чем мы в 2014 году первый раз обратились к врачу, и тем более раньше 2016 года, когда началось лечение. Теперь не могу не думать, что именно подступы к болезни создавали её, как бы сказать, психологическую заторможенность. Конечно, в то время я не представлял себе, как неумолимо идёт дело. Ведь ещё в 2010 году она успешно решала для наших исследований программистские задачи! Да и позже, когда болезнь уже определилась, я чуть ли не до самого конца надеялся и верил, что Люся, активно сопротивляясь, может и должна воспрепятствовать деградации. Насколько хватало моей энергии, я всячески этому способствовал, бесконечно теребил Люсю всяческими укорами,

требованиями и похвалами не дремать, следить за собой, делать умственные и физические упражнения, говорить с друзьями по телефону и т.д.

Теперь я сомневаюсь в правильности моего упрямства продлить её пусть в малой мере нормальное состояние. Не получилось ли так, что она была бы более счастлива, если бы я (подобно персоналу „Edelweiß“) давно отнёсся к ней как к тяжело неизлечимо больной и оставил её подрёмывать остаток жизни в покое, быстро отгораживаясь от внешнего мира? Не разумнее ли было не в последние дни, не в больнице, а раньше смириться с неизбежным? Может быть, напрасно и вредно проявилось моё привычное упорное желание улучшить, как-то нормализовать жизнь самого близкого мне существа? Я не нахожу ответа и, будучи философом или религиозным человеком, начинаю сомневаться в том, что такой ответ существует.

Последние слова

Многие записи о Люсе мне было писать до слёз печально, но всё равно это была та работа, которая в самое тяжкое время заставляла меня думать не только о былой радости или недавнем горе, но и о том, как прошлое правдивей изобразить, какие найти слова для этого, в каком порядке эти слова лучше разместить. Так, решение технологических задач возвращало меня к действительности, давало мне удовлетворение сделанным, позволяло сказать в конце очередного сеанса работы привычное для нас: «ну вот, и хорошо» и даже «неплохо получилось», – а это так важно для меня, привыкшего что-то решать и делать. Вместе с моим другом Люсей или последние годы – для неё.

Здесь наверняка есть неточности и ошибочные суждения, но нет выдумок, всё, насколько не подвела память, полностью достоверно, а множество цитат и фотографий, включенных в текст, делают его ещё и документальным.

Я заметил, что на фото Люся не выказывает неловкости и не пытается что-то изобразить. Когда она просто присутствует в тех или иных чем-то любопытных обстоятельствах, то на картинке это отражается вроде удостоверения «я тут была», и она внимательна и спокойна, но в некоторых случаях эмоции выходят наружу – она радостно улыбается, она счастлива. Люся – не дитя и радуется, конечно, не тому, что её

фотографируют, а тому долгожданному или нежданному моменту, который как награда за труд или как подарок судьбы, наконец или вдруг, пришёл. Или рада шутке. И меня согревает, что, оказывается, такого счастья было в её жизни немало.

Я безмерно благодарен судьбе за то, что она подарила мне Люсю, именно такую Люсю с её любовью и преданностью, с её несовершенством. Она подарила нам обоим долгую любовную и дружную жизнь, разнообразную и счастливую, хотя временами тяжёлую, а в последнее месяцы обременённую сомнениями и необратимыми горестными решениями. Люся была моей возлюбленной, моей женой и другом, моей коллегой и помощницей, а в последние годы – моим дружком и моей дочкой. Эта моя дочка пугала непротивлением угасанию.

В заключение воспроизвожу два стихотворения.

Первое – из поэмы Павла Антокольского «Сын». Она написана в 1943 году в память о погибшем на войне сыне. Я прочитал поэму через несколько лет, когда автору дали за неё премию. Я сказал моему брату, что она мне кажется ярким и цельным произведением. Он возразил, что как раз цельности в ней нет. Теперь я вижу, что прав был, конечно, он: в поэме масса риторики и просто банальных стихов. Но этого не скажешь о её заключительной части, в ней выражено искреннее горе. Я её запомнил (кроме средней строфы) и вспомнил, когда в 1959 году погиб брат. Теперь эти печальные строки вспоминаю в связи с потерей Люси.

П. Антокольский

СЫН

Прощай, моё солнце. Прощай, моя совесть.

Прощай, моя молодость, милый сыночек.

Пусть этим прощаньем окончится повесть

О самой глухой из глухих одиночек.

Ты в ней остаёшься. Один. Отрешённый

От света и воздуха. В муке последней,

Никем не рассказанный. Не воскрешённый.

На веки веков восемнадцатилетний.

Прощай. Поезда не приходят оттуда.

Прощай. Самолёты туда не летают.

Прощай. Никакого не сбудется чуда.
А сны только снятся нам. Снятся и тают.
Мне снится, что ты ещё малый ребёнок,
И счастлив, и ножками топчешь босыми
Ту землю, где столько лежит погребённых.
На этом кончается повесть о сыне.

Другое стихотворение, написанное двадцатитрёхлетним поэтом, я часто перебирал в уме во время болезни Люси. Я ей неоднократно читал его, она слушала со вниманием и даже пыталась записать (одна из попыток воспроизведена выше).

Ю. Лермонтов

Я, Матерь Божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в мире безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.
Окружи счастием душу достойную;
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.
Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную –
Ты воспринять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

1837

Эту молитву я прочитал вслух, когда немногочисленные гости собрались за празднично-тревожным столом в день рождения Люси – за месяц до её ухода. Наша подруга Аня возмутилась: «Как можно читать такие стихи на празднике!» Но давно сказано, что высокие мыслы, ещё усиленные совершенством выражения, возвышают душу и в печальных обстоятельствах. Эти слова Лермонтова хорошо относятся к Люсе, и я знаю, что обращение на таком необычно возвышенном языке ей приятно.

Прошлое счастье делает утрату особенно болезненной. Предвидя неодновременный уход из жизни, мы оба согласились, что «второму будет хуже». Вторым оказался я, и мне действительно плохо, а Люсе в таком положении было бы совсем никуда. Меня давил и вместе с тем укреплял императив завершить эти воспоминания, обустроить могилу, привести в порядок бумаги, сначала Люсины, потом мои.

Скорее медлительный, чем торопливый, за свою уже долгую жизнь я преуспел мало, а, быть может, наоборот – именно поэтому совершил многое из того, что надлежало и хотел. Теперь со дня расставания с Люсей прошло уже почти полтора года, и я выполнил оба зарока в её память: и надгробье сооружено (когда я лягу рядом, он послужит и мне тоже), и поминальные слова дописаны. Их первый вариант был помещён на мой сайт чуть ли не год назад, с тех пор текст много раз корректировался, и теперь, наконец, о чём мечтал с самого начала, я его окончательно отредактировал и сверстал для книжки – вместе с моими откликами на всякие внешние события. Меня отвлекали многие бытовые обстоятельства, я не торопился, но сумел и, главное, успел, пока жив и ещё что-то понимаю.

У меня получилось всего лишь поминальное сочинение о Люсе, но всё же, смею надеяться, возможное знакомство с ним поможет нашим потомкам и просто будущим читателям радоваться достижениям и удачам их жизни и укрепить решимость преодолевать её неминуемые трудности.

Остались хлопоты по изданию книжки, но они не мои, а Катины. Мне же лишь нужно бы увидеть книжку и успеть раздать друзьям. После этого, возможно, предстоит просто жить – сколько мне отмерено, как трава растёт. И есть надежда, что прошлое счастье сделает светлее то, что мне осталось.

На этом я прощаюсь со всем этим моим трудом. Но не с Люсей – с ней я по много раз в день разговариваю, и иногда мне кажется, что она отвечает, даже подходит, приветливо присаживается ко мне.

Передавая мой труд Вам, моему читателю, желаю Вам всяческого благополучия. Прошу Вас не слишком сердиться на меня за возможные мои глупости и ограхи, которых я не сумел избежать, а Вы на них неприятно споткнулись. Но ведь не расшиблись, а вместе со мной задумались!

Есть о чём.